Расул ГАМЗАТОВ, поэт

Я писал то, что думал

Популярнейшему поэту России второй половины XX века Расулу ГАМЗАТОВУ исполнилось 80 лет. Президент Путин вручил ему орден Андрея Первозванного и пригласил отпраздновать вместе день рождения. У «Известий» особые чувства к Расулу Гамзатовичу — 40 лет он был нашим постоянным автором. Его московская квартира находится рядом с редакционным зданием, и чаще него, пожалуй, никто из писателей у нас не бывал... Но последние лет десять он больше живет в родной Махачкале. Корреспондент «Известий» Георгий МЕЛИКЯНЦ позвонил ему за день до торжества.

ВИКТОР АХЛОМОВ

— Времена неспокойные. Я должен быть в моем израненном Дагестане. А террористов я не боюсь. Убийц презираю.

— А как здоровье, дорогой Расул?

— По возрасту. Восемьдесят не восемнадцать.

— А настроение?

— По-разному. Люди вокруг разные: кому «Три сестры», а кому «Три наперстка»... Об одном жалею — пришлось приостановить наш праздник «Белые журавли». Начинался он в отцовском ауле Цада и катился по всему Северному Кавказу. Из города в город, из селения в селение. Поэты читали стихи на двадцати языках! Эта потеря после потери моей любимой Патимат — самая тяжелая в жизни.

— А есть на столе что-нибудь новое?

— Поэт не может писать бесконечно. Иногда полезно просто перечитать себя. Вот листаю недавно выпущенное собрание своих сочинений.

— Согласны с каждой строкой?

— Ну, может быть, не с каждой. Но никого я не возносил. Писал то, что думал. Как говорится, о дружбе и любви. А то, что не советовал менять коней на переправе, я и сейчас так считаю.

— Жизнь, казалось, ласкала вас: читатели расхватывали новые стихи, власти осыпали щедротами. А как вы сам ощущали себя? Правда, что, состоя в течение 22 лет членом Президиума Верховного Совета СССР, вы послали однажды с очередной сессии телеграмму жене: «Сижу в президиуме, а счастья нет»? О телеграмме донесли тогдашнему главе президиума Подгорному. Глава сказал: «Пора разобраться с Гамзатовым». Спасло то, что Брежнев не мог без слез слушать вашу песню «Журавли»...

— Но писал-то я «Журавлей» не для Брежнева. И когда предупреждал «опасайтесь потерять друзей», думал о том, как страшно жить в озлоблении. А что я порой ощущал в душе, я высказал в стихотворении «Колыбельная цензуре». Оно было напечатано всего лишь один раз в «Огоньке» в 1991 году и никогда больше не публиковалось. До народа, так сказать, не дошло. Теперь в газетах не встретишь стихов, но по случаю 80-летия приведите его хотя бы в сокращении: «*Дракон у входа к сердцу родника, / Медведь, глядящий на пришельцев хмуро, — / О, как чужда тебе моя строка, / Поэта стерегущая цензура! / ... / Ты камушек, забравшийся в башмак. / Ты боль зубная. Ты нарыв на коже. / Ты с ниткою иголка, что никак / Мне рот зашить хоть хочет, да не может. / Ворота тюрем я открыть мечтал, / Но ты всегда у тех ворот стояла. / Когда я вдруг беспечность проявлял, / Ты бдительность немедля проявляла. / ... / Чтоб я за оскорбленных не болел, / Держала наготове ты лекарство. / И если тихо «родина» я пел, / Ты редактировала тотчас «государство». / ... / Но сочтены твои, цензура, дни, / И ты отныне не номенклатура. / Ты долго не дремала. Так усни. / И спи спокойно. Вечным сном, цензура».*